

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1979 г.

Часть I (1)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОБРАНИЯ МОНГОЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ
И КСИЛОГРАФОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР (ШИФР Q)

Коллекция монгольских рукописей и ксилографов, хранящаяся в рукописном фонде ЛО ИВ АН СССР, является старейшим и наиболее обширным за пределами монголоязычного региона собранием. Эта коллекция, начало которой было положено еще в первой четв. XVIII в., стараниями отечественных востоковедов за минувшие столетия пополнилась значительным количеством памятников монгольской письменности. Некоторые из них являются поистине уникальными и имеются только в данном собрании. Неудивительно поэтому, что монгольский фонд института всегда привлекал внимание востоковедов, находивших там самый разнообразный материал, охватывающий практически все области монгольской письменной словесности.

Научные исследования монголоведов прошлых лет были в основном посвящены эпосу и историческим летописям монгольских народов, монгольским версиям произведений индо-тибетской литературы. Некоторые же области письменной литературы монголов или вовсе остались за рамками научных интересов востоковедов, или были изучены лишь в незначительной степени, и потому фонды ЛО ИВ таят в себе немалые возможности для исследований по истории развития оригинальной монгольской и распространения многочисленной заимствованной литературы, по истории религии и этики, а также для изучения монгольского эпоса и фольклора. И такие возможности еще более увеличиваются, если учесть, что за последние годы количество рукописей и ксилографов в указанной коллекции по меньшей мере удвоилось. В настоящее время монгольский фонд ЛО ИВ состоит из двух, четко различимых по происхождению и времени формирования, частей.

Первая (или старая) часть, насчитывающая 3.360 единиц хранения, была составлена из различных коллекций, поступавших первоначально в библиотеку Кунсткамеры, а с 1818 г. в Азиатский Музей Академии Наук (с 1930 г. Институт востоковедения АН СССР) за время с 1720 по 1955 гг. Состав ее частично раскрыт в обзорах, каталогах и научных описаниях.¹

Вторая (или новая) часть монгольского фонда была образована в период с 1970 по 1976 гг. из рукописей и ксилографов, чужденных при разборке тибетского фонда института. Эти мате-

риалы вошли в общий состав монгольского фонда под шифром Q. При сравнении содержания ксилографических изданий и особенно рукописей, входящих в монгольский фонд 1720—1955 гг., с вновь поступившими письменными материалами, обнаруживаются существенные качественные отличия, происхождение которых следует искать прежде всего в характере комплектования обеих частей фонда.

Так, старая часть фонда в значительной мере была пополнена за счет коллекций, доставленных отечественными монголоведами и поэтому вполне естественно, что научные интересы каждого ученого определяли состав памятников, поступавших в фонд. Благодаря такого рода систематическому, целенаправленному подбору письменных источников, Институт востоковедения обладает сейчас интереснейшим собранием монгольских летописей, разного рода правовых и административных документов, литературных памятников, многочисленными записями эпоса и фольклора монгольских народов.

Почти ничего этого мы не обнаружим среди рукописей, имеющих шифр Q. В этой части фонда отсутствуют не только исторические хроники монголов, а тем более тексты произведений монгольского эпоса и фольклора, сохранившиеся в старом фонде преимущественно в записи самих исследователей, но совершенно не встречаются также произведения светской литературы (например, монгольские переводы китайских романов, весьма популярные в Монголии в XIX — нач. XX вв.). И даже широко известные и распространенные монгольские версии произведений индо-тибетской литературы представлены здесь крайне скупо.

Большую часть коллекции Q (около 2.500 единиц хранения из 4.177, имевшихся на I декабря 1979 г.) составляют ксилографические издания на монгольском языке. Среди них представлены, разумеется, пекинские ксилографы, имевшиеся и прежде в фонде института и известные также по каталогам европейских собраний, из которых практически каждое обладает тем или иным набором подобных изданий. Однако большую часть ксилографов, вошедших во вторую часть монгольского фонда ЛО ИВ, составляют бурятские издания. И именно эти поступления представляют наибольший интерес, поскольку могут сослужить неоценимую службу в деле изучения литературной и издательской деятельности бурятских дацанов Восточной Сибири,

Исчерпывающих сведений о деятельности дацанских печатных мастерских пока нет, но можно предположить, что в настоящее

время Института востоковедения обладает одним из богатейших собраний бурятских ксилографов. Таким образом, пробел в дацанских изданиях, о котором писал Б.Я.Владимирцов,² в настоящий момент можно считать заполненным и именно теперь можно в полной мере "судить об издательской деятельности бурятских буддийских монастырей вообще, о круге их интересов в области монгольской литературы".³

Следует отметить, что круг интересов бурятских монастырей в области монгольской литературы составляет специфическую, недостаточно еще изученную область монголоведения. Особенность эта заключается в том, что бурятские издания появившиеся в основном уже во второй половине XIX в., не ограничивались только репродуцированием более ранних монгольских и пекинских ксилографов. Выпускались, разумеется, и переиздания, однако в большинстве своем бурятские ксилографы содержат сочинения бурятских авторов, относящиеся главным образом к литературе "народного буддизма", т.е. литературе религиозно-этического, нравственно-назидательного характера, рассчитанной на распространение среди мирян. Этот раздел монгольской литературы наиболее полно представлен как раз в дацанских изданиях, и поэтому пополненное собрание бурятских ксилографов Института востоковедения дает превосходный материал для изучения "народного буддизма" и его письменной литературы.

При всей многочисленности и содержательном многообразии бурятских ксилографов, не трудно заметить, что выпускались они вовсе не для удовлетворения реально существовавших, подлинных нужд населения в печатном слове, а преследовали всегда одну цель — распространение буддизма и определялись "кругом интересов" верхушки бурятского ламства, регламентировавшей всю деятельность дацанских печатных мастерских. Потому-то, характеризуя издательскую деятельность бурятских монастырей (а это в неменьшей степени относится и к деятельности печатен Пекина и Монголии), вполне можно согласиться с высказыванием О.М.Ковалевского о том, что "обладая всем современным просвещением, оно (буддийское духовенство — А.С.) столько уделяло его народу, сколько находило выгодным для своих видов".⁴

Это обстоятельство послужило одной из причин постоянного бытования рукописной книги у монголов на протяжении всей многовековой истории сосуществования ее с печатной книгой. Не утратила своего значения рукопись и у бурят второй пол. XIX в., когда дацанское ксилографирование достигло наивысшего расцвета.

Просматривая рукописи второй части фонда ЛО ИВ, легко обнаружить, что немалое число их является копиями ксилографических изданий. Размножение в рукописном виде текстов ксилографов, издававшихся неоднократно и в достаточном количестве, объясняется положением буддийского учения, трактующим переписку священных текстов наиболее действенным (и доступным) средством очищения грехов и спасения.

Но не этот тип рукописной книги преобладает в коллекции Q и заслуживает к тому же наибольшего внимания. Среди указанных поступлений своей многочисленностью выделяются два раздела письменной литературы, удовлетворявшие, очевидно, более всего практические и духовные потребности народа. Прежде всего, это всевозможные сборники примет и гадательные книги самого различного свойства и назначения — едва ли не на все случаи жизни и смерти. Такие книги издавна были распространены у монгольских народов (равно как и у других народов Центральной Азии), вся практическая деятельность которых была сопряжена со всяческими оракулами. Без совета с ними не предпринимался ни один сколько-нибудь серьезный шаг. Рукописи подобного рода не только весьма разнообразны по своей тематике, но показывают также весьма широкий диапазон способов ворожбы, известных монголам. Большинство этих способов монголы в разное время заимствовали у других народов Центральной Азии. Следовательно, на материале рукописей гадательного содержания, вошедших в состав фонда ЛО ИВ под шифром Q (а в этой части фонда представлено не менее 300 единиц хранения гадательных книг) можно выявить некоторые аспекты процесса формирования сознания и взаимодействия культур в рамках центральноазиатского региона.

Среди рукописей шифра Q немалое число списков можно отнести к образцам шаманских и дошаманских народных религиозных представлений. В основном это рукописи бурятского происхождения. Характерно, что и в старую часть фонда добрая половина такого рода рукописей также поступила из Бурятии. В этом отношении бурятские материалы представляют значительный интерес, ибо Бурятию с немалой долей основания можно считать своего рода заповедником монгольского шаманства. Такое положение Бурятии объяснялось поздним распространением там ламаизма, не успевшего полностью подавить влияние бурятских шаманов на население и потому бурятские ламы вынуждены были терпимо относиться к шаманской практике. Значительное распространение в Бурятии получили и рукописи, в которых очевидны следы добуддийских верова-

ний монголов. Таким образом, существенно пополнившееся собрание упомянутых материалов в коллекции ЛО ИВ, содержит интереснейший материал для исследований в области истории народных религий и древней самобытной культуры монгольских народов.

¹ Библиографию см. в кн.: Л.С.Пучковский, Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения, I, (История, право), М.-Л., 1957, с.3-11.

² Б.Я.Владимирцов, Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от проф. А.Д.Руднева. - "Известия Российской Академии Наук", 1918, с.1549.

³ Там же, с.1549.

⁴ О.М.Ковалевский, Монгольская хрестоматия, Казань, 1836, с.У.

О.И. Смирнова

ИЗ СОГДИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Новым и важным источником по согдийской ономастике в последнее время становятся позднесогдийские и согдоязычные древнетюркские монеты. В надписях на этих монетах засвидетельствован ряд имен собственных и нарицательных, имевших, очевидно, распространение у согдийцев и древних тюрков в согдийской среде в привилегированных их слоях. Среди этих монет обращает на себя внимание одно наиболее часто встречающееся на них имя